

№ 7-8, 2009 г.

Наш край

Историко-краеведческая газета Дрогичинского района

2	Илья Хилько
ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ
2	Алёна Цынкус
РАЗВЕ ЭТО НЕ СЧАСТЬЕ?
4	Иван Климчук
ПОВЕСТЬ ЛЕСА
5	Екатерина Кунац
ЧТОБЫ ДОБРО ПОБЕЖДАЛО
6	Богдан Гац
БЫТЬ ДОСТОЙНЫМИ ПАМЯТИ
7	Ольга Остапчук
ЧТОБЫ ПОМНИЛИ
7	Сергей Граник
ЭТА ПУЛЯ ЕЩЁ НЕ ТВОЯ
11	Яўген Квачук
ВЕЧНАСЦЬ
12	Алеся Стасюк
ПОДВИГ ЕКАТЕРИНЫ ХИЛЬЧУК
12	Алеся Стасюк
ПАРТИЗАНСКИЕ КУРЬЁЗЫ
14	Светлана Кинчак
БОИ НА ДНЕПРО-БУГЕ
19	Сергей Граник
ПАМЯТЬ В ФОТОГРАФИИ
24	Галіна Огнева
НА ПАЛЕССІ

*К 65-летию
освобождения
Дрогичинского района
от немецко-фашистских
захватчиков*

Дорогие мои старики

— Заходи, братишка, заходи, Ильюшка.

Пятилетний Илья, ловко перепрыгнув высокий порог и чуть отдышавшись от быстрого бега, звонко отрапортовал:

— Держи, дед, мы тебя поздравляем!

Дед, Иван Сафронович Щербаков, заметил в руке мальчика красную гвоздику.

— Спасибо, братишка, — кашлянул дед и улыбнулся.

Ильюшку он всегда называл братишкой. Мальчик был его правнуком. Были у него и правнучки, но увезли их дети и внуки во все концы света. Одна из дочерей с семьёй даже в Америке оказалась. Далеко Америка. А Ильюшка — вот он, родненький, здесь рядом. Дом сына — через дорогу. Поэтому этот кучерявый, зеленоглазый малый частенько наведывался к прадеду. Дружили они очень. Любил пацанёнок смотреть, как дед управлялся по хозяйству: то косу клепал, то кроликам клетки ремонтировал, то, кряхтя, возился с велосипедом. Но особенно ждал Ильюша тот момент, когда дед, управившись, тяжело садился на скамью, хлопал по колену, и малый сразу восседал на нём.

— Ну что, устроился? — и потёк неспешный дедов рассказ войне, однополчанах, победе. Только изредка прерывался он детскими восхищениями: «Вот это да! Вот бы мне так! Я им показал бы, этим фашистам!»

Сегодня 9 Мая. Мама отправила Ильюшу к деду с гвоздикой.

— Дед, держи, мы тебя поздравляем!

Баба, Марфа Фёдоровна, сидевшая за столом (она мало ходила, болели ноги), часто заморгала и приложила к выцветшим глазам белый платочек, который всегда был у нее в руках. Ильюша заметил, что баба Марфа сегодня сменила свой привычный синий халат на темно-серое платье в мелкий горошек. А на голову повязала яркую красную косынку.

— Спасибо, братишка, проходи. Помоги деду одеться. На парад всё-таки идем. Не каждый день такой праздник.

Только сейчас Ильюша увидел дедов китель, висевший на дверце шкафа и сверкавший десятком орденов и медалей и ещё какими-то цветными полосочками.

У мальчика перехватило дух:

— Ну, ты даёшь, дед! Да ты ж настоящий герой! Ребята увидят — обзавидуются.

— Да не я герой, а вот она, моя Марфушка, — присев около бабки и погладив её руки, ответил дед.

— Две дочери мне в войну сберегла, фронт

кормила. Чужие люди ей спасибо говорили. А в 45-м мне сына подарила. Иваном, в мою честь назвала... Вот так, братишка. Половина орденов — ее.

А потом Ильюшка гордо вышагивал рядом с дедом в колонне таких же ветеранов войны и вместо деда, приподнявшись на цыпочках, принимал из рук пионеров гвоздики.

Десятую свою весну Ильюша встретил без прадеда Ивана Сафроновича. 9 Мая он торопился с друзьями на праздничный митинг. Проходя мимо цветочного ларька, мальчик увидел выставленные на улицу высокие вазы с гвоздиками, розами, нарциссами. «Жаль, деда нет. Мы бы сейчас вместе...» — грустно подумал Ильюша. В глазах зашипало. Друзья удивленно переглянулись, когда Ильюша побежал к ларьку.

— Мне гвоздику... Нет, розы. Вот эти, большие красные, — отрывисто попросил продавщицу мальчишка и протянул ей деньги, подаренные родителями на новую компьютерную игру.

Баба Марфа сидела у окна и, слеповато шурясь, смотрела на нарядно одетых дрогичинцев. Она уже почти не вставала: ходить было больно и тяжело. Но сегодня она должна была подняться. Ведь их с Ванюшей праздник. И китель достала, долго перебирала узловатыми пальцами награды мужа.

— Баба, это я — Ильюша. А это тебе, — правнук положил ей на колени букет из ярко-красных роз. — Спасибо, бабушка. За всё. Ты у меня героиня...

Ильюша присел около бабы Марфы и нежно погладил её дрожащие, сжимавшие белый платочек руки.

Илья Хилько,
ученик 8 «А» класса
ОСШ № 1 г. Дрогичина.

Разве это не счастье?

Волосовой Антонине Трифоновне,
подруге моей бабушки, посвящаю.

Я видела: в реке купалось солнце
И чистым уходило за леса,
Я видела безумья цвета небо,
И как в травинке прячется роса

И слышала, как шепчутся березы,
Любимых провожая, губы сжав,
И тихо прячут расставанья слезы,

Закутываясь в синюю печаль.
Я думала: как хорошо, проснувшись,
Увидеть рядом милое лицо...
И просто выбежать и пронестись по лужам
Одной — чтоб не мешал никто!

И это все я называю счастьем:
Березку, небо, птиц, летящих ввысь,
И хмурый день, охваченный ненастьем,
И просто хочется, чтоб продолжалась жизнь...

Вот уже в который раз я обращаю внимание на одинокий клен, растущий в стороне от деревни. Один... Среди пустых бескрайних полей... Особенно сиротливо он смотрится сейчас, когда земля только что проснулась после зимы, еще не успев обрядиться в яркий зеленый цвет. Вокруг все какое-то серое.... А может, это мы еще не успели стряхнуть с себя снежную пелену и посмотреть на мир широко открытыми глазами? Клен на краю деревни. Он жалок и одинок даже тогда, когда яблони и сливы утопают в цвету, и цветочная метель от них долетает даже сюда, украшая его сухие беспомощные ветки прозрачными лепестками.

Мне всегда казалось, что у этого клена есть история. И оказалось, что это действительно так.

Много лет назад на этом месте был хутор. И жила здесь семья, большая, дружная, счастливая. В теплые летние вечера любили все вместе посидеть на скамеечке под ветвистым кленом, а осенью дети, а их было четверо, брат и три сестры, осыпали друг друга разноцветными кленовыми листьями. Наверное, так было бы всегда.... Но началась война, которая все решила по-своему.

Средней из сестер, Антонине, было тогда 15 лет. Это сейчас она уже бабушка, а тогда...

Отец Антонины, Трифон Яковлевич, понимал: если сейчас они не уйдут, не скроются в лесу, то вряд ли кто-то из его семьи останется в живых. Он, депутат сельского совета, у всех на виду, а в последнее время ему все чаще угрожают.

Семью Волосовой Антонины Трифоновны приняли Споровские болота. Они все стали партизанами: отец, мать, дети. Вместо приветливого клена под окном — могучие сосны.

На следующий день Антонина приняла присягу. В 15 лет она стала рядовой партизанкой отряда имени Славного. Позже отряд переименовали в отряд имени Жданова. Бабушка вспоминает:

- Присягу принимали на поляне. До мелочей помню тот день: моросил дождь, было прохладно, в верхушках сосен шумел ветер. Я сразу стала взрослой: мне вручили винтовку. На следующий день нас научили с ней обращаться, рассказали, как заступать на пост, назвали пароль. Делала

все, что скажут, шла туда, куда, посылали: носила документы в соседний отряд, ходила с донесениями, была связной. Сейчас, наверно, не смогла б, а тогда все получалось. Хвалили.... Помню, как вызвал начальник особого отдела и приказал доставить ценные сведения в отряд имени Чкалова.

Я очень боялась, думала, заблужусь: леса — то не знала совсем. Он объяснил, как найти тропинку, узенькую, еле заметную, что ведет в отряд. Я очень боялась ее не увидеть. Так напрягала глаза, что порой ничего не видела, останавливалась и снова шла вперед. А сколько раз было: идем ночью с поста, да и заблудимся. К лесу- то не привыкли. Антонина Трифоновна улыбнулась. Помолчала, вспоминая что-то свое...

— А однажды, когда стояла на посту, ко мне подошел командир и почему-то хотел посмотреть мою винтовку. А я схватилась за нее обеими руками и не отдала. Командир засмеялся и сказал: «Хорошие у меня бойцы. Я Вами горжусь». Даже не знаю, как так получилось. Вроде и не учил меня никто этому.

— Антонина Трифоновна, ведь столько времени прошло. Может, не вспоминается война? Не думаете, что все это было не с Вами?

— Такое, наверное, не забывается. Это стало частью моей жизни. Кажется, чем я становлюсь старше, тем отчетливее вижу тот лес, землянки, бойцов, блокады. Я и сейчас вздрагиваю от слов «блокада».

Немцы пришли со стороны реки. Я только слышала выстрелы и взрывы: шел страшный бой. Потом были раненые, много раненых... Их привозили и приносили к нам, женщинам, и мы делали все возможное и невозможное, чтобы их спасти. На следующий день прилетел самолет, и раненых отправили за линию фронта. Как это можно забыть?

У Антонины Трифоновны появляются слезы. Она смотрит вдаль и снова начинает говорить.

— А знаете, каким было мое самое большое желание? Поесть хлеба. Я уже начала забывать его вкус. Мы ели муку, заваренную в воде, а весной начинался щавель — бросали его в воду и варили. Жарили лук на огне. Ели эту незамысловатую еду из мисок, выточенных из дерева. Как грелись? Брали ведро в землянку, клали в него сучья и поджигали. Это уже потом привезли кирпич. Из него сделали маленькую печурку.

Ярко светит солнышко. Пришла настоящая весна. «Скоро мой клен под окном зазеленеет, — говорит Антонина Трифоновна. — Мы с внуком посадили. Прилетят на клен птицы, сошьют гнезда, выведут птенцов. А рядом, на крыше, будут жить аисты. Они каждый год прилетают ко мне. Ну, разве это не счастье?»

Я смотрю на клен под окном. Он совсем не похож на тот, что растет на краю деревни. Наверное, и у него будет своя история. История, не похожая на все остальные. Вот так и жизнь человеческая. Она одна, но у каждого своя.

Алёна Цынкус,
ученица 9 класса
Именинской ОСШ.

Повесть леса

Вы умеете слушать лес? Не улыбайтесь, пожалуйста. Я говорю серьезно. Да, слушать лес....

Я люблю бродить по лесу, по его тайным тропинкам, по густой березовой роще. И всегда слушать, слушать, слушать. Вот о чем-то своем, тихонько шурша, перешептываются две стройные березки. А там, на верхушках деревьев, слышна нежная песнь ветра. О чем они говорят, эти незримые чудеса природы? Прислушайтесь, люди! Не торопитесь, не проходите мимо! Слышите? Вот и вам открылся чудесный мир березовой рощи. Необыкновенный, загадочный, говорящий мир... Вы, наверное, вспомнили сейчас свое детство, юность, первое свидание... А может, вы увидели горящие дома, полыхающие сады, горе, принесенное проклятой войной.

Да, эти бескрайние леса, помнят, как стонала белорусская земля, говорят об этом люди. Незаметная узенькая тропинка привела меня к бывшим партизанским землянкам, находившимся в глубине березовой рощи. Подхожу поближе. Эти немые свидетели войны, почерневшие, обрушившиеся за большой промежуток времени, заставят волноваться каждого человека. Вспоминаю, как давно, когда я был еще семилетним мальчишкой, меня привел сюда отец. Он рассказывал непонятные для того моего возраста истины, смысл которых я сознаю только сейчас. Мои прадеды не были карбышевскими, матросовыми или гаселло. Оба они прошли войну от рядового до сержанта. Мне, правнуку бывших бойцов — защитников Родины, в дни, когда страна готовится к самому светлому и счастливому празднику, хочется рассказать о них. Оба они воевали на передовой. Один жил в белорусской деревне Бездеж. Здесь учился, мечтал, по-юношески радовался жизни. Другой жил в небольшом русском городке Белгороде, работал на железной дороге, растил четверых детей, и тоже, но уже по-взрослому, радовался жизни.

И вдруг... война.

В первые дни войны зашагали фронтовыми

дорогами оба моих прадеда. Долгие четыре года сражались они с ненавистным врагом. Никакие невзгоды не сломили веру в победу. Тяжелое ранение вывело из строя моего белорусского прадеда. Но после госпиталя он вернулся на фронт и продолжал воевать. После Победы он вернулся на родину, в родную деревню Бездеж. На груди блестящие медали и ордена. И только шрам от ранения — немой свидетель страшных дней.

5 мая 1945 года. До победы четыре дня. Это было невероятным, это было немыслимо — умереть за несколько дней до победы. Но сильнее желания дожить до победы, было желание добить врага. Шли бои, гибли солдаты. И среди них был мой второй прадед. День 5 мая был последним днем на земле для него. Он похоронен на чужой немецкой земле. Через много лет родственникам удалось отыскать его могилу. Только похоронка на память осталась для нас, его внуков и правнуков. Пожелтевшая от времени, потерянная по краям, лежит в семейном альбоме. Мама рассказывала, что когда прабабушка брала ее в руки, лицо застывало, глаза устремлялись вдаль, и в них было столько боли, что хватило бы на десятерых. Она много рассказывала о войне, о страданиях своим внукам. Моя бабушка тоже была на войне. Но когда в 1947 году они уезжали из Белгорода в Белоруссию, все ее документы были потеряны. Она так и умерла безвестным участником войны. Давно нет уже в живых моих предков, которые видели страшную войну. Но они будут жить до тех пор, пока мы помним о них и о войне.

Скоро, очень скоро придет в мир светлый и вечно юный, как весна, праздник победы над фашистской Германией. 64 лет минуло с той поры, с той незабываемой весны 1945 года.

Победа. И если сегодня смеются дети, то это потому, что была она — Победа. Если плавится сталь, пишутся стихи, строятся дома, то потому, что была Победа. Если мы учимся в светлой двухэтажной школе и кружимся в вальсе на вечере, то это потому, что была Победа.

Да, мне не пришлось идти пыльными дорогами войны, мимо пепелищ, мне не довелось видеть слезы людей, стоны раненых, боль от утраты близких.

Я родился в мирное время. И о войне я знаю только из книг, кино и рассказов старших.

Я склоняю перед вами голову, мои прадеды! Я склоняю головы перед миллионами таких же героев известных и неизвестных.

А лес все шумит и рассказывает свою неоконченную историю...

Иван Климчук,
ученик 9 класса
Немержанской ОСШ.

Чтобы добро побеждало

Мир... Мирная жизнь... Пожалуй, мы не очень часто задумываемся над смыслом этих слов. А если и задумываемся, то, скорее всего, не до конца понимаем, что значат эти простые слова, слова, от которых веет тишиной, спокойствием, солнечным теплом. Мы, теперешние подростки, только по рассказам знаем о Великой Отечественной войне. Вот уже почти 65 лет на нашей белорусской земле люди живут спокойно, каждую весну расцветают сады, прилетают в родные края птицы. Но за все это наша Родина заплатила высокую цену. Вторая мировая война унесла миллионы жизней. Почему же до сих пор на нашей планете звучат взрывы, гибнут люди?

Для того, чтобы сохранить мир, все люди должны творить добро. Только наше умение сопереживать, чуткость и доброжелательность способны победить зло, которого в наше время слишком много. А добро живет в каждом из нас. «Каждый маленький человечек рождается добрым», — так учила меня бабушка. Эта мудрая женщина, теперь уже старенькая и седая, много извела горя за свою жизнь. Но невзгоды и страдания не отобрали у нее веру в людей, веру в то, что доброта лечит людские души. Даже небольшие ссоры своих близких, детей и внуков она всегда ласково, но настойчиво старается погасить.

Общаясь со своей бабушкой, иногда я расспрашивала ее о жизни, она рассказывает разные эпизоды своего детства, молодости.

Моя бабушка, Лаврисюк Ольга Ивановна, родилась перед войной в деревне Крестиново, в большой семье. Когда ей было семь месяцев, умерла мать. Присматривать за малышкой пришлось самой старшей сестре Марии. Трудно жилось семье, а тут еще и война. Люди были в ужасе от того, что творили немецкие оккупанты на нашей земле. Бабушка моя была еще маленькой, воспоминаний у нее осталось не так много, а вот ее сестра, моя двоюродная бабушка Трофимчук Мария Ивановна и ее муж Трофимук Степан Александрович, всегда охотно делились своими воспоминаниями. Мы с моей младшей сестрой, а также наши двоюродные братья и сестры с большим интересом слушали их рассказы.

Степан Александрович с первых же дней войны сражался на фронте, потому что на момент начала войны проходил службу в Красной Армии. Он был в числе тех, кто участвовал в боях под Брестом. Дедушка был смелым бойцом, всю войну

сражался на передовой, участвовал в атаках, за что неоднократно был удостоен различных наград. Он с гордостью носил свои ордена и медали. Нужно отметить, что Степан Александрович был везучим человеком, так как за несколько лет фронтовой жизни не был ранен. Он прошел всю войну, участвовал в форсировании реки Одер, принимал участие в штурме Берлина. И только под Берлином он был ранен в плечо, некоторое время лечился в госпитале, потом снова вернулся в свою часть и продолжил сражаться. К сожалению, в одном из боев его контузило, частично потерял слух. Несмотря на это, он считал себя счастливым человеком, потому что вернулся домой живым. После войны он много лет проработал в колхозе. Умер в возрасте 80 лет.

Из воспоминаний Марии Ивановны мы узнали, как жила деревня в те нелегкие годы, что пришлось вытерпеть ее жителям. Голод, слезы, разрушенные дома, уничтоженные взрывами посевы на полях, раненые и убитые люди — вот реалии того времени. Война пришла внезапно, поэтому мужчины не успели пойти в армию. Многие уходили в партизанские отряды. Опасность была на каждом шагу, ведь фашисты никого не щадили. Гибли партизаны, мирные жители, многие умирали от ран уже после освобождения Беларуси. Те мужчины, кто уцелел до 1944 года, были призваны в Красную Армию и участвовали в освобождении европейских стран.

Я слышала разные истории того времени, но одна меня очень поразила. В начале войны, когда немцы проезжали через деревню Крестиново, улицы наполнились криками: «Немцы!». Люди стали убежать: кто в лес, кто в болото. Но не все жители успели спрятаться или убежать. Мария Ивановна стояла у себя во дворе. На руках у нее была маленькая сестренка — моя бабушка. Неожиданно одна машина остановилась перед домом. У девушки замерло сердце. «Ну, вот и все! Конеч!» — подумала она. Немецкий офицер быстрыми шагами приближался к ним. Дрожа всем телом, девушка, как бы оберегая сестричку, крепко прижала ее к груди. Немец остановился, внимательно посмотрел на нее и спросил на русском: «Ты такая юная, а у тебя уже есть ребенок?» Мария ответила, что их мать умерла, а она нянчит сестренку. Немец погладил малышку по голове, вынул из кармана шоколадную конфету и протянул ее девочке. Затем развернулся и так же быстро ушел. Возле машины оглянулся, помахал рукой и уехал. Дети не могли в это поверить. Во время войны немцы ассоциировались у людей с жестокостью, невыносимыми страданиями людей, бездушностью, черствостью. Но этот поступок показал, что человеческое в человеке — хоть крупинка! — есть всегда.

На нашей земле много памятников. Все разные: большие и маленькие, известные и не очень. Но все они — частичка нашей истории. И кто похоронен там — известный герой или неизвестный солдат — не важно. Я думаю, что каждый человек, защищавший родную землю — уже герой. Ведь это не только солдаты и партизаны, но и мирные жители (женщины, дети, старики), которые им помогали, были связными, снабжали продуктами и одеждой. Все они для нас — пример глубокого патриотизма. И мы, поколение XXI века склоняем головы перед их великим Подвигом.

Екатерина Кунац,
ученица 8 «Б» класса
ОСШ № 2 г. Дрогичина.

БЫТЬ ДОСТОЙНЫМИ ПАМЯТИ...

Я горжусь своим дедушкой А.И. Приходько, участником Великой Отечественной войны. Он фронтовыми дорогами прошел Польшу, Восточную Пруссию, Германию. Свое третье ранение получил в тяжелом бою за Дрезден. Был награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и другими.

Дедушка часто вспоминал такой эпизод. На территории Беловежской пуши красноармейцы попали в окружение. Погиб их командир. И дедушке пришлось взять командование ротой на себя. А ему было тогда всего 22 года.

После войны он учил детей грамоте, был отличным плотником. Брат моего дедушки тоже прошел тяжелые испытания войной.

Адам Приходько, будучи юношей, был вывезен фашистами на каторжные работы в Германию. Тысячи таких, как он, жили там в бараках. От непосильного труда, холода и голода превратились в настоящие скелеты. И тех, кто уже доходил, гитлеровцы сжигали в крематориях. Настал день, когда и Адама поставили в длинную очередь на пути к огненной камере. Вместе со всеми он медленно продвигался и тихо молился. Видимо, Бог услышал его — внезапно началась стрельба, паника среди немцев. Это подоспели наши войска, которые и спасли многих узников.

Вскоре Адам Приходько стал солдатом Красной Армии, воевал. Однажды в тяжелом бою он спас жизнь раненому командиру: из-под града пуль и осколков вынес его на своих плечах в безопасное место. Солдату думалось, что война для него закончилась у Бранденбургских ворот. Но впереди еще были Маньчжурия, освобождение Сахалина, о чем свидетельствует его медаль «За победу над

Японией».

Прошло много лет. И вот однажды бывшему фронтовику приходит письмо из Москвы, а в нем — приглашение на тогда еще знаменитый «Голубой огонек». Оказывается, бывший командир дослужился до генерала и не забыл своего спасителя, отыскал его и ждет с ним встречи.

К сожалению, скромный по натуре, Адам Иванович Приходько не осмелился поехать в Москву. Он любил заниматься огородом, нянчить внуков, печь им блины и, зная цену жизни, радоваться каждому прошедшему дню.

Моя прабабушка Фекла Кононовна Гречко в годы войны пекла хлеб партизанам. На это, как правило, уходила целая ночь. А утром открывали в доме окна и двери, чтобы не осталось запаха свежееиспеченного хлеба — недалеко «хозяйничали» фашисты. Фекла рисковала не только собой, но и жизнью всех членов семьи.

Кстати, у прабабушки, кроме своих троих детей, было еще два приемных сына — Дементий и Мирон. Они никогда не называли ее мачехой, а только мамой, потому что растила и воспитывала их не хуже родных.

Дементий на фронте пропал без вести. Оплакивала мать его, но в душе все равно ждала домой, не верила, что он больше никогда не переступит порог родной избы.

У младшего Мирона с детства была больная нога. Фашисты к нему не приставали. Но в 16 лет он стал партизанским связным. Ночами носил хлеб лесным солдатам, и до рассвета возвращался домой. Мать за него волновалась, не спала. А однажды он заявил, что скоро насовсем уйдет к партизанам.

В очередной раз, когда Мирон собрался нести хлеб народным мстителям, получил задание перевести группу людей через болото. Как раз в ту ночь выпал снег, а утром гитлеровцы увидели след, ведущий из леса к дому. Согнали много людей, а в хозяйстве Феклы Кононовны устроили обыск, искали партизана и оружие. Сказали, что если найдут, то расстреляют всех. К счастью, ничего не нашли.

И все же Мирона и подслеповатого деда Иосифа немцы и полицаи забрали с собой. Там их допрашивали, били, пытали. И вот ведут их на расстрел. В поле остановились и заставили копать себе могилу. Дед, упав на колени, начал усердно молиться, а Мирон копает... О чем он думал в последние минуты своей жизни? Может, надеялся на чудо или милосердие полицаев? Но, осознав, что его лишают юности, крикнул людям, что собрались вокруг:

— Если меня будет искать мама, то скажите ей, что я, Мирон...

Конец его фразы оборвала автоматная очередь.

А в старого Иосифа, который все молился, три раза стреляли предатели народа, а он не падал. Тогда один из полицаев с пистолета выстрелил ему в голову и ногой толкнул в яму...

Плакала - голосила прабабушка Фекла. Сложила она в белый платок нехитрую еду и отправилась искать могилу своего сыночка. А случилась та трагедия между деревнями Заречка и Сварынь.

Эти истории поведала мне мама. А я их передам детям и внукам своим. Чтобы помнили, свято чтили бессмертный подвиг защитников Отечества в Великой Отечественной войне и были достойными памяти старших поколений, завоевавших нам Победу.

Богдан Гац,
ученик 11 класса
Детковичской ОСШ.

Чтобы помнили

В далекое прошлое уходят суровые годы войны, наполненные горем и страданием миллионов людей. И в наши дни можно часто услышать вопросы: зачем снова говорить о войне, после которой прошло более полувека? Зачем мы читаем стихи о войне? Правы ли будем мы, забыв о тех, кто погиб или был изувечен, защищая Родину? Давайте попытаемся разобраться в этих вопросах.

Великая Отечественная война стала самой разрушительной, унесшей жизни многих миллионов людей. Множество подвигов во время той страшной войны совершили наши солдаты; не меньше героизма проявили и партизаны. А сколько героев было среди детей и мирных жителей?!

Жертвами фашизма стали три многодетные семьи Гуриных и Галуц, жившие на хуторе Лужки в пяти километрах от деревни Деревная. Семья Гуриных с первых дней войны оказывала помощь беженцам и партизанам. Но об этом стало известно немцам, и они решили уничтожить всех жителей.

Теплым летним днем 22 июля 1942 года фашисты окружили хутор и начали жестоко избивать людей, хотели, чтобы они показали, где прячутся партизаны. Все молчали. Затем детей немцы поставили в ряд и сказали, что если взрослые не скажут, где партизаны, то на их глазах будут расстреляны дети. Никто не сказал ни одного слова. И вот фашистский палач убивает ребенка, которому от рождения всего чуть более месяца.

Досыта поиздевавшись над людьми, немцы всех загнали в дом, а мужчинам сказали копать яму.

Борису Николаевичу Гурину удалось черным

ходом выйти во двор. Один фашист это заметил и приказал ему ловить кур. Воспользовавшись моментом, Борис спрятался во ржи, которая росла рядом.

Над хутором разносились страшный крик и плач. Фашисты подвели к яме людей, а Борис наблюдал за этим из своего укрытия.

«Мне хотелось выбежать и побежать к родным, но ноги онемели, и это меня спасло. Я упал на землю и горько зарыдал», — вспоминал Борис Николаевич, вспоминая прожитое. На хуторе Лужки немцы оставили кровавый след. Сейчас на месте гибели поставлен памятник. Ученики нашей школы ухаживают за могилой жертв фашизма.

Борис Николаевич Гурин сейчас живет в деревне Мостки. После гибели близких, он ушел в партизанский отряд имени Жданова, чтобы мстить врагу. Служил разведчиком, взрывал эшелоны.

После войны Б.Н. Гурин более 50 лет проработал строителем в колхозе «Родина». Несмотря на возраст, Борис Николаевич полон сил и энергии. Занимается домашним хозяйством. Но война до сих пор дает о себе знать, являясь к нему в страшных снах и болезненных воспоминаниях.

Ольга Остапчук,
ученица 10 класса
Деревнянской д/- ОБШ.

Эта пуля еще не твоя (Выполняя приказ)

Сергей Лысенков улетал из аэропорта Звартноц поздней ночью. Спать не хотелось. Приятно было смотреть, как на фоне весеннего звездного неба отчетливо проступали силуэты горы Арарат и там, на высоте нескольких тысяч метров, жемчужиной отражала звездный свет её снежная шапка. Любуясь этим неземным пейзажем, хотелось загадать желание. Единственная мысль, которая не давала ему покоя в этот день — побыстрее улететь и больше сюда никогда не возвращаться. Хотя и сейчас, за несколько минут до вылета самолета, не верилось, что все закончилось благополучно. Вокруг суетились гражданские люди, по которым видно было, что они навсегда уезжают отсюда. Это все наводило на тяжелые воспоминания о последних нескольких месяцах командировки.

До Москвы около 3-х часов полета. Пригласили на посадку. Через пять минут новый ТУ – 154 делал прощальный круг у подножья Арарата. Махал ему крыльями и брал курс на север. Не хотелось думать, что где-то, на территории СССР идет настоящая война, о которой практически никто ничего не знает. Почему? Видимо, кому-то очень

стыдно, что в стране победившего социализма и интернационализма рвутся мины, снаряды, неся смерть некогда дружным между собой народам.

Вспоминалось, как впервые увидел разрушенные горные селения воевавшего Нагорного Карабаха. Какова причина войны? Трудно сейчас сказать. Но был первый выстрел, первый убитый и после этого ненависть охватила людей, тех, кто долгие годы жил на этой земле дружно и мирно, невзирая на веру и национальность. Именно ненависть стала причиной этой бессмысленной войны.

Капитан Сергей Лысенков мирно спал крепким сном, несмотря на то, что за палаткой кто-то строил свое подразделение. Слышны были грубые неуставные слова в адрес нерасторопного солдата, потерявшего свой бронежилет. Щелкали затворы автоматов, звучали команды, звенели котелки и фляжки. Шла обычная подготовка подразделения к выходу в горы. Дежурный сержант осторожно подошел к кровати командира и робко тронул его за плечо, доложил:

— Командир, «Первый» на связи!

Капитан вскочил с кровати.

— Давно? — пошутил тот и взял гарнитуру.

— «Пятый» на приеме!

— Вас срочно вызывает штаб для уточнения боевого задания, — раздался в наушниках грубый мужской голос.

Все это насторожило Сергея. По его расчетам эту неделю должны были отдыхать. Офицер стал торопливо одеваться. Произнес несколько нехороших слов в адрес штабных работников, которые никак не могут разобраться в обстановке и всегда стараются выполнить бестолковые приказы. Выходя из палатки, крикнул сидевшему за столом старлею:

— Через полчаса построение в полной боевой...

За столом в штабной палатке сидел седой полковник. Сергей знал, что он из управления военной контрразведки Закавказского округа. Поприветствовав офицеров, Лысенко без приглашения сел на свободный табурет у раскинутой на столе карты. Командир с красными от недосыпания глазами, казалось, ничего не видит. Торопясь изложил обстановку в районе «дороги жизни» Нагорного Карабаха. Сергей был по-прежнему спокоен и уравновешен, хорошо знал, что с полковником спорить бесполезно — нужно выполнять боевой приказ. Из разговоров он понял, что этот приказ отдал лично заместитель начальника разведки округа.

— Ваша задача контролировать движение техники на данной дороге. В случае обнаружения объектов, не указанных в радиограмме — принять меры к уничтожению.

— И еще, командир, — отвел его в сторону

седой полковник, инструкция — это одно, а жизнь, сами понимаете, сейчас вносит свои коррективы... Это не Афганистан, а Советский Союз. Действуй по обстоятельствам. А это тебе дополнительный канал связи. Им пользуйся в исключительном случае, — вложив в протянутую для прощания руку листочек бумаги, похлопал по плечу и произнес:

— Ни пуха!

Подойдя к палатке, Сергей обрадовался тому, что старший лейтенант Осипов построил подразделение. Подал команду, приложил руку к головному убору для приветствия командира.

— Вольно! — скомандовал замершим бойцам Лысенков.

— Командиры взводов, ко мне!

— Говорить много не буду. Все вы хорошо знаете для чего мы здесь. Нам поставлена задача выйти в район армянского села Тог и контролировать прохождение колон по трассе в район боевых действий. При обнаружении подразделений Сил Самообороны — в перестрелку не ввязываться. Командиром разведгруппы назначаю прапорщика Вазгена Марданяна. Вам отдельно поставлю задачу. Получить паяк на 5 дней, 3 боекомплекта. Саперам получить 2 мины и по 10 кг взрывчатки. Выход в горы через 2 часа. Разойтись!

Петляя по горам, избегая встреч с мирными жителями и вооруженными отрядами самообороны, подразделение, в течение 2-х суток преодолев 50 километров, вышло в установленный район.

Лысенко объявил привал, а это означало 4 часа сна плюс завтрак и приведение себя в порядок. Место выбрано удачно. Рядом кустарник, с другой стороны — большой луг, на котором местами лежал еще не растаявший снег. Полуразрушенная кошара на краю луга и стала на некоторое время убежищем для бойцов. Выставив охрану и определив порядок ее смены, группа зарылась в прошлогоднее сено. Через некоторое время все спали. Проснулись от сильной стрельбы и взрывов, доносившихся со склонов гор. В том районе находилось армянское село Тог. Командир отдал распоряжение организовать разведку.

— Пока остаемся на месте, — сказал Лысенков.

Спать больше никто не хотел. Бойцы начали доставать из РДЭШЕК консервы и сухари. Молча вскрывали банки и быстро их проглатывали, так и не почувствовав вкус пищи. Но и этого было достаточно, чтобы утолить голод.

Через полтора часа прибыл прапорщик Марданян со своими разведчиками:

— Ситуация такая, командир, — докладывал он, — На краю села мы встретили старого армянина, который ищет сбегавших овец. Он мне и рассказал, что «турки» в четырех километрах от их деревни

устроили засаду. В эту засаду и попала группа, сопровождавшая нашего священника, ехавшего на похороны в соседнюю деревню. Священник и два бойца нашего отряда самообороны погибли. Еще двоих взяли в плен.

Выслушав доклад, командир четким голосом подал команду:

— Строиться. Я думаю, все слышали, что происходит рядом с нами. Настало время нам разделиться на 2 группы. Командиром второй группы назначаю старшего лейтенанта Игоря Осипова. Ваша задача — действовать самостоятельно в районе КП у развилки дорог и контролировать прохождение колонн. На КП находятся солдаты Внутренних войск, а им наше руководство не очень доверяет. Вы поняли?

Сергей пожал руку старлею, обнял его и сказал:

— На рожон не лезь. Действуй решительно, исходя из обстановки. Связь каждый нечетный час.

Шли пятые сутки. Беспокоило Сергея то, что после 3-х, 4-х суток засаду по инструкции должны снять... А тут пять суток и в эфире привычное «Быть на месте, наблюдать прохождение колонн...», а дальше время и состав этих самых колонн. Данные передавались во вторую группу, стоящую в 2-х км от КП и контролировавшую въезд на «дорогу жизни» Карабаха.

Вот это спокойствие больше всего его и раздражало. Как-будто и не было никакой войны.

Бойцы рядом в яме варили шурпу. Вчера поймали отбившуюся от селения овцу и вот теперь ждали скорого ужина. Но мысль об ужине осталась мечтой. Внезапно перед командиром возникла фигура радиста, который протянул наушники:

— «Гранит» — срочно!

— На связи — «Скала», — Сергей уловил встревоженный голос второго комгруппы.

— К концу колонны пристроились две БМ-21 и две грузовые машины «Урал». Вышли на дорогу со стороны азербайджанской деревни Физули. В радиограмме не значатся.

— Я — «Гранит», прием.

— КП пропустил?

— Да.

— Пропускай. Охрана?

— Нет.

— Будь на связи.

На размышление оставалось 15 минут, за это время машины пройдут оставшееся расстояние до места засады. Колонна из 20 большегрузных машин два раза в неделю доставляла в блокированную Гаджалу продукты, одежду и горючее. Это было согласовано между воюющими сторонами. Единственное, что ей нельзя везти — это оружие. А тут в конце шли два «Града» и, наверное, две

машины с боеприпасами. Без охраны. «В штабе не такие кретины, чтобы на ночь глядя отправлять «Град» с боеприпасами без прикрытия. Значит, продали», — мысли понеслись молнией и решение созрело:

— К бою! — крикнул, повернув голову к солдатам командир.

Где перебежками, где ползком бойцы заняли свои места в СПАСАХ.

Через некоторое время вдали появился командир.

— Связь! — скомандовал Лысенков находящемуся рядом с ним радисту.

— «Одиннадцатый» на связи. Готов!

— «Двенадцатый» на связи. Готов!

— «Тринадцатый» на связи. К прикрытию готов!

— Приказываю уничтожить два БМ-21 в конце колонны и два «Урала», следующие после них. По кабинам работают ПК. Огонь!

В этот момент громом в горах отозвалось эхо двух почти одновременных выстрела из гранатомета. Две огненные змеи устремились к цели. Первая сразу же поразила кабину идущей впереди БМ-ки, вторая разворотила двигатель замыкавшей колонну машины. Полетели в стороны части грузовиков. Движение обстрелянной застопорилось. Спасаясь от опасности, остальные машины с гуманитарными грузами прибавили обороты и быстро скрылись за поворотом дороги, в спустившейся со склонов гор темноте.

Первая машина с развороченной кабиной стала поперек дороги. Следовавшая за ней протаранила бак с топливом передней. Последняя машина, груженная боеприпасами, с отвалившимся колесом накренилась и стала посреди дороги.

Со стороны 3-й машины началась беспорядочная стрельба по склонам гор.

— Поразить цель под 3-й машиной.

— «Кобрам» — огонь! — передал команду отделением Лысенков.

Справа короткими очередями басовито заговорили 2 ПК. Их голос четко выделялся на фоне стрельбы АКС. Через несколько минут стрельба стихла. Со стороны разбитых машин тянуло гарью. Развороченные капоты и двигатели «Уралов» лизали языки пламени.

— Прекратить огонь! — капитан стер ладонью холодный пот со лба, поднес к глазам бинокль и, убедившись, что возле машин нет движения, скомандовал:

— «Одиннадцатый», остаешься за меня. «Шестой», бери свои РД и за мной!

Фигуры солдат в спускающихся сумерках, прячась за камни, перебежками двигались в направлении дымящихся машин. Когда они были на половине пути, из кювета, расположенного рядом

с третьей машиной, внезапно ударила автоматная очередь. Один из бойцов группы досмотра качнулся и упал на камни. На ходу командир достал гранату, зубами выдернул чеку и метнул ее через дорогу за камни. Спустя несколько секунд туда же бросил и вторую гранату. Гулко отозвались в горах два взрыва. Выскочив на дорогу, командир выпустил из своего АКСа несколько длинных очередей в темноту за дорогой.

Не ожидая команды, санинструктор уже оказывал помощь раненному бойцу. Командир, было, бросился в его сторону, но по знаку санинструктора понял, что все будет нормально. «Уралы» дымились, чадя соляркой. Из кабины первого наполовину вывалился человек в «афганке» с пагонами прапорщика. Голова была залита кровью.

— Горчаков, обыскать и забрать документы.

Солдат брезгливо встал на подножку и, стараясь не испачкаться, начал вытаскивать из нагрудного кармана какие-то бумаги.

На другой стороне дороги, возле большого обломка скалы, согнувшись, держа в руках 2 автомата, стоял разведчик. Рядом, прислонившись к камню, сидел солдат в «афганке». Он отчаянно крутил головой из стороны в сторону. Его рвало. Видимо, контузило разорвавшейся рядом гранатой.

— Где остальные? — спросил капитан

— Сержант с Чеботаревым побежали за прапорщиком, — объяснил командиру разведчик.

Внезапно рядом раздалась автоматная очередь. Было ясно, настигли еще одного.

— Этого передать группе Марданяна. Он нам понадобится, — приказал Лысенков.

Нужно было торопиться. Подойдя к первой машине, капитан разрезал ножом тент. На направляющих трубах снарядов были надеты эбонитовые крышки. Значит заряжены.

— Смирнов! — тот возник через секунду из темноты.

— Приготовь 4 накладных заряда по 1000 грамм. Места закладки — середина труб и под кузов автомашин. На все 5 минут. Понял?

В это время из-за машины вышел сержант Щетинин, держа оружие на изготовке, за ним показались двое пленных. Правая рука одного из них была перетянута жгутом. По рукаву текла кровь.

— Веди их к группе. Готовность к движению через 10 минут.

— Смирнов! Готов? — крикнул командир.

— Минуту, командир. Осталось закрепить последний заряд.

— Жду.

— Группе подрыва занять места.

Командир не спеша подошел к первому заряду.

Взял один конец огнепроводного шнура.

— Приготовиться! И когда бойцы у машин подняли вверх правые руки, скомандовал:

— Огонь!

Чиркнул сам коробком по спичке, прижатой пальцем к срезу огнепроводного шнура. Из-под пластиковой оболочки на мгновение вырвалось пламя и ушло внутрь по пороховой сердцевине.

— В укрытие, — крикнул бойцам командир и вместе с ними бросился по склону на другую сторону гребня. Когда подразделение перевалило за горку, Сергей громко крикнул:

— Стой! Ложись!

Бойцы плотно прижались к земле. И тут мощной силы взрывы всколыхнули горы. Сверху посыпались камни.

Яркая вспышка озарила темные скалы. Эхо взрыва, многократно отразившись, понеслось по ущелью.

— Взрывай, «Гранит»! Срочно! — дал команду радисту капитан.

— «Гранит» слушает. Все нормально.

— Снимайся с места и встречаемся в квадрате 21-15-4. Это были данные места встречи.

Через три часа группы встретились в полуразрушенной кошаре на краю луга. Бойцы ужинали. Тем, что осталось. Охрана, назначенная для обеспечения безопасности группы, ушла и заняла свои места. Кто был не занят, уснули крепким сном. Командир дал радисту шифр частоты. Через несколько секунд связь была установлена. Короткий доклад. И ответ:

— Утром, в квадрате 21-15-4 вас заберет вертолет. На связь больше не выходить.

Ночь прошла спокойно. За последнюю неделю командир первый раз хорошо выспался. Чуть свет, когда начало розоветь небо за горами, на востоке с неба донесся стрекочущий звук вертолета. Капитан Лысенков с автоматом вышел навстречу приземлившейся машине.

Через несколько минут дверца вертолета захлопнулась и он, набирая обороты, медленно оторвался от земли, качнувшись несколько раз из стороны в сторону, пошел вдоль ущелья в южном направлении. Закончилась еще одна операция на территории Нагорного Карабаха. Капитан Лысенков смотрел в иллюминатор на заснеженные вершины гор и думал. Зачем ему все это? Можно было бы жить хорошо и без войны, крови, убитых и раненых, но он — офицер и должен выполнять приказ — каким бы он ни был. А завтра... неизвестно что будет и тихонько запел песню, где были слова: «эта пуля еще не твоя...»

Сергей Граник,
гвардии подполковник запаса.

Вечнасць

Прыгожым было лета 1915 года на Палессі. Сухое і сонечнае надвор'е зрабіла магчымым выканаць жніво і сенакос без перашкод. Скасілі нават тыя абшары, каторыя звычайна касілі толькі па лебедзе, бо глыбокая вада не дазваляла рабіць працу ў іншы час. Замест слабой падсцілкі пад жывёлу неспадзявана атрымалі дадатковы зімовы корм для валоў. Людзі цешыліся і не наракалі, бо і пачатак восені быў прыгожы. Сады поўніліся ад пладоў. Раней, як ніколі, падрыхтавалі палі пад азімыя.

Дзесьці там была вайна, але ў паўночных ускрайках Палесся, у разлівах Ясельды, яе навогул не адчувалася.

Аднак у канцы жніўня, у вячэняй цішы, на высокіх месцах ля ветракоў, ці за стадоламі, людзі заўважылі невытлумачаннае дрыжанне паветра. Нешта шло з паветрам разам з вечаровымі лугавымі туманамі. Гаварылі, што ў лясах, паміж адвечнымі соснамі і дубамі, чуваць далёкі гук, падобны на голас гарматы. Але хто там ў гэта верыў?

У старым маёнтку ў Навошыцах было спакойна і зацішна. Пані Марыя, усімі званая “Старая Пані”, і яе тры хлопцы праводзілі лета дома, як звычайна. Сыны ўжо павінны былі ехаць да школ, але Варшава была адрэзана лініяй фронту, а хлопцы тым часам вучыліся дома і цешыліся з неспадзяваных вакацый. Цэлыя дні бегалі, вечары праводзілі на ўзвышшы, дзе была стадола і дзе дзіўныя водгукі і дражанне паветра былі вельмі выразнымі. Ужо ведалі, што гэта нямецкія гарматы, і адбываецца бітва за Брэст. Вайна ўваходзіла на Палессе.

У першых днях верасня водгук гармат быў ужо гучны. Вечарамі і ноччу чуваць было раскаты гарматаў. Гэта немцы ішлі на Янаў. Нарэшце, зусім неспадзявана, з поўначы ад Хомска і Спорава, адгалоскі бою сталі блізкія і адчувальныя. Нямецкія войскі абыходзілі Янаў.

На досвітку 8 верасня ў Навошыцы прыехаў нямецкі кавалерыйскі патруль і пасля кароткага адпачынку паскакаў на ўсход. Масы кавалерыі прайшлі ў накірунку да Янавана і ўсе адразу сціхла.

Познім вечарам некалькі нямецкіх салдат прыехалі ў маёнтак. З воза знялі маладога афіцэра. Дзесьці паранены ў навошыцкіх лясах, ён памёр. Вырашылі пахаваць яго ў садзе. Унтэр-афіцэр зрабіў усе хутка. Загадаў салдатам зняць дзверы са стадолы, узяў у Стэльмаха з маёнтка інструмент і ў момант зрабілі труну. Магілу выкапалі паміж дзвюма ліпамі, пад бэзамі, на газоне ля дома. Там адвечна ляжаў вялікі гранітны валун, які і

павінен быў служыць помнікам салдату. У гэтым месцы звычайна папалудні пілі гарбату і кожны, хто лета прыязджаў да Навошыц, праводзіў тут хвіліны ў гутарках з гаспадарамі.

Ужо ўпала ноч, калі сталі апускаць труну. Пані Марыя таксама прыняла ўдзел у пахаванні, нават акрапіла магілу святой вадой, захоўваемай дома на важны і незвычайны выпадак. Унтэр не перашкаджаў. Пані Марыя добра гаварыла панамецку, яе сівыя валасы і павага павінны былі зрабіць на яго ўражанне. На заканчэнне цэрэмоніі ўнтэр-афіцэр прыбіў на крыж дошку з надпісам, што тут ляжыць герой, які палёг за “фатэрлянд”. Затым паклаў на магілу афіцэрскую каску і амуніцыю палеглага. Перад ад'ездам запытаў аб назве маёнтка, адлегласці да Янава і пошты. Праз гадзіну немцаў ужо не было, спяшаліся дагнаць сваіх. Малады афіцэр застаўся сам пад ліпамі ў далёкай краіне.

Пані Марыя вярнулася да дому на запозненную вячэру. Усе сядзелі моўчкі. За вокнамі, каля іх дому, прысутнічаў хтосьці чужы і далекі, але затрымаўся тут у сваёй жыццёвай вандроўцы і застаўся назаўсёды. Прыбыў у Навошыцы, каб знайсці месца адпачынку пасля доўгага марша з далёкай Германіі. Не гаварылі шмат у той вечар, але пані Марыя, напэўна, думала, што гэты малады чужынец таксама мае маці, якая будзе перажываць страту кагосьці вельмі блізкага. Пані ведала, што звычай Палесся абавязвае апякаць кожную магілу. Прыпомніла сабе магілы паўстанцаў 1863 года ў лясах, дзе заўсёды можна было знайсці безыменны насып у атачэнні палявых кветак, галін ці камення. Прыпомніла сабе забытыя магілы на раздарожжы, магілы чужых людзей, знайшоўшых спакой у гэтай зямлі, над якімі, аднак, нехта апякуецца і папраўляе пахіленны крыж, ці садзіць сухацветы або флэскы.

Рана папрасіла Стэльмаха выбіць на каменным блоку надпіс, зроблены нямецкім унтэр-афіцэрам.

Прыйшла восень і зіма. Фронт стабілізаваўся за Пінскам. У Навошыцах было ціха, ваенныя рэквізіцыі ішлі адна за другой, інвентара было ўсё меней, утрымліваць гаспадарчы парадак было ўсё цяжэй. Патрулі коннай жандармерыі прывозілі бясконцыя ваенныя загады.

У другой палове зімы 1916 года пані даведалася, што афіцэр будзе перанесены на вайсковыя могілкі ў Янаў. Марыя паехала да камендатуры і афіцэра аставілі ў Навошыцах. Прыязджаючыя немцы наведвалі магілу і дзякавалі польскай сям'і.

Прайшоў час. Палессе апынулася ў межах Польшчы. У Навошыцах і далей было спакойна і ціха, як заўсёды. Хлопцы падраслі, пайшлі служыць ў войска. Потым вярнуліся дадому і пачалі гаспадарыць. Пані Марыя пастарэла і

пачала губляць зрок.

Бэз над магілаю разквітаў ўжо шмат разоў. Вярнуўся звычай піць гарбату пад ліпамі. Магіла афіцэра перастала ўжо даўно быць чужой. І калі польскія ўлады пастанавілі перенесці яе да месца, вызначаннага аддзелам пахаванняў, зноў пані Марыя дабілася пакінуць яе у цені, пад ліпамі.

Праз 11 годоў, на нанятай фурманцы ў Навошыцах з'явілася старая, чужая жанчына. То была маці палеглага афіцэра. Прыехала з Гановэру, каб забраць цела сына. Мела ўсе патрэбныя паперы і рэкамендацыі да старосты, каб дапамог.

Пані Марыя прыняла чужую маці. Жанчыны пайшлі да магілы, прыбранай як заўсёды кветкамі і маўчалі, затым гаспадыня аддала каску і амуніцыю, якія калісьці сябры забітага паклалі на магілу.

Невядома, пра што гаварылі старыя маці, але тая, чужая, правяла ў Навошыцах некалькі тыдняў і, як звычайна, па палудні, пілі гарбату ў цені ліп.

Прыехаўшая маці ад'ехала, пакінуўшы сына ў Навошыцах.

Яна зразумела, што належыць ён ужо гэтай зямлі і людзям. Бог адзіны ведаў, што перажывала, і які быў ход яе думак і пачуццяў.

Чужы чалавек застаўся ляжаць на сваім месцы. Камень з надпісам, выбітым рукой палешука, нагадвае, хто тут загінуў, бо для палешука памяць аб чалавеку — штосьці святое.

Пераклаў з польскай мовы
Яўген Квачук

Пераклад зроблены па кнізе
F. Wyslouch "Opowidania Poleskie"
Londyn, 1994

Подвиг Екатерины Хильчук

После того, как советский отряд имени Кирова оставил Антопольщину и перебазировался в споровские леса, немцы все чаще стали наведываться в населенные пункты и забирать у людей продукты питания. Они так осмелели, что свои набеги совершали по два-три человека, иногда даже делали это в одиночку.

Где-то в мае из Запрудского гарнизона немец-мародер забрел на Рудавские хутора, где жила Екатерина Хильчук. Он был вооружен только одним пистолетом и за плечами нес большой рюкзак для сбора провизии. Зайдя на хутор, он начал выкрикивать слова: «яйки», «шпик», «шнапс», «буттер». Двигаясь по улице, немец свернул во двор Екатерины Хильчук.

В это время у женщины находился знакомый ей партизан. Прихода немца никто из них не ожидал.

Мародер встретился лицом к лицу с партизаном. Стрелять было нельзя, выстрел мог привлечь внимание. Излишний шум был не нужен. «Что делать?» — подумал партизан. Времени на размышление не было. Немец, выхватив пистолет, уже бросился на неприятеля. Но выстрела не получилось: то ли пистолет дал осечку, то ли он не был взведен на боевое положение. Партизан ловким ударом приклада выбил пистолет из рук немца. Противники сошлись в рукопашной схватке. Бедная женщина в ужасе следила за всем происходящим: то ли убежать, то ли поднять крик? Тут Екатерина заметила, что упитанный немец берет верх над соперником. Партизан все слабее и слабее наносил удары. Женщина не растерялась. Она ловко схватила пистолет в тот момент, когда немец повернулся к ней спиной, и сунула в руку партизана. Тот, собрав все свои силы, резким движением ударил немца пистолетом по голове. Противник упал в обмороке на землю. В этот момент подоспели другие партизаны.

Екатерина знала, что за помощь партизану ее могут жестоко наказать. Немцы могут выслать людей на поиски пропавшего мародера, установить, как и при каких обстоятельствах, он исчез, и, наконец, выйти на след Хильчук. Но женщина не испугалась!

Екатерине Хильчук повезло. Немцы, видно, побоялись выезжать на поиски исчезнувшего солдата, и все обошлось благополучно.

Партизанские курьёзы

Как Алексей Антончик захватил мотоцикл с немецким солдатом

Лето 1943 года. Группа партизан проводила подрывные работы недалеко от деревни Дубовая. Работа была опасная и трудная. Большая ее часть уже была выполнена, как вдруг все услышали рокот мотоцикла. Выглянув на дорогу, партизан Алексей Антончик увидел движущийся навстречу группе мотоцикл с немецким солдатом за рулем. Это нарушало все планы партизан. «Надо остановить немца!» — мгновенно принял решение Антон. С взведенным автоматом выбежал на дорогу. Дружью-однополчане смотрели на Антончика, недоумевая. Они увидели мчащийся наперерез транспорт и замерли в ожидании, казалось, что Алексей вот-вот угодит под мотоцикл. Автоматный огонь Леша не начинал: стрельбу могут услышать немцы и выслать своих солдат на шум. Немец огонь тоже не открывал. Поворачивать назад было поздно. Раздался визг тормозов. Мотоцикл остановился.

Тут Антончик быстрым рывком схватил автомат на шее немца и, ловко забравшись на заднее

сидение, ткнул в спину шофера ствол боевого оружия и показал, куда надо ехать.

Мотоцикл медленно тронулся. Проехав через соседнюю деревню, мотоциклисты двинулись дальше — прямо в партизанский лагерь. Партизаны, увидев немецкого солдата, забежали, начали занимать оборону. Но, когда мотоцикл подъехал ближе, все крайне удивились: за рулем — немец, а на заднем сиденье сидит друг — Антончик Алексей, улыбается и приветливо машет товарищам рукой. Мотоцикл замедлил ход, и Алексей спрыгнул со своего сидения. Пленного немца отвели к командиру.

Однополчане один за другим подходили к Алексею, пожимали ему руку и искренне восхищались его поступком.

Как партизаны на Бездежских хуторах угощались колбасой

На различных территориях, в разных населенных пунктах одинаковые продукты питания, еда, народные блюда называются по-разному. Например, картофельный суп около Пинска называется «крышаны», возле Березы его же именуют «кавалочки», у Свислочи — «щелоки»; суп из хлеба в одних деревнях — «каплуп», в других — «мурцовка».

Из-за существования местных диалектов, иногда не всегда понятно, о чем идет речь.

Вот один из курьезных случаев, который произошел именно из-за недопонимания слов местного наречия.

Время было военное. Отряд имени Кирова вырвался из окружения немецких карательных колонн и направлялся в Хомск. От Хомска партизаны прошли еще около 5 км. и остановились на хуторах деревни Бездеж.

Приветливые хуторяне радушно встречали уставших партизан. В одном доме группу партизан заботливая хозяйка потчевала борщом со свиной. Изголодавшиеся бойцы ели с большим аппетитом. Глядя на них, хозяйка радовалась, но ей казалось, что хлопцы не наелись, и добродушная женщина сказала, что принесет еще «кубасу». Вернувшись из кладовки, женщина поставила на стол большую сковороду, на которой шипели ломтики жареного свиного мяса и сала, а сама отправилась по делам. Партизаны решили, что колбаса — это, конечно же, хорошо, но для начала можно съесть и это предложенное блюдо. Вскоре сковорода опустела. Утолившие голод, хлопцы стали ждать «десерт» — обещанную колбасу. Увидев возвращающуюся с пустыми руками хозяйку, все были в недоумении.

— А где же колбаса? — спросил кто-то из ребят.

— Какая колбаса? У меня нет колбасы, — удивилась женщина.

Как оказалось, в Бездеже и окрестных селах, «кубасой» называют жареную свинину, а ту колбасу, которую ждали партизаны, так никто из них и не попробовал. Вот так, из-за различия слов местных диалектов, наши попали впросак.

Как Василий Боцоха остался с одним сапогом

Ушел добровольцем в партизанский отряд молодой белорусский парень Василий Боцоха. Он, как и весь советский народ, встал на защиту своей Родины в тяжелый для страны момент.

Возле Песок для партизан всегда было опасно. По дороге ни днем, ни ночью не было проезда. Немцы и полицейские из Песковского гарнизона часто тут делали засады, вели обстрелы из пулеметов, напускали на людей специально обученных собак.

Большая группа партизан вместе с Василием Боцохой возвращалась из района в расположение своего лесного лагеря, благополучно выполнив порученное задание. Путь проходил через болотную протоку около Песок. Болотная протока представляет собой грязную жижу, выйти из которой чистым не удастся никому. Поэтому некоторые партизаны сняли свою обувь и шли по болоту босиком. Они берегли свои сапоги. Босиком шел и Василий Боцоха.

Необыкновенная тишина была кругом, партизаны двигались почти бесшумно. Зарождался рассвет. Всем хотелось спать. Осталось идти совсем немного. Скоро свой лагерь, можно будет отдохнуть ...

Но вдруг с берега раздалось визгливое лаянье и дрожащий, хватающий за сердце вой. Это немцы спустили собак. Овчарки, как разъяренные львы, накинулись на уставших партизан. Но те оборонялись, как могли: били собак прикладами, стреляли. «Неужели пропал?!» — мелькнуло в голове у Василия, — «Ну уж нет!». И он бросил в приближающуюся зверюгу тяжелый армейский сапог, который так бережно нес в руках. Овчарка отскочила и, схватив «обувной снаряд», с радостным визгом помчалась обратно к берегу. Вслед за ней побежали и все остальные собаки. Они отбирали друг у друга сапог, партизаны им были теперь не нужны. Их интересовало только одно — «удивительный» сапог Василия Боцохи.

Вот так наш герой спас своих товарищей. Дружью партизаны еще долго подшучивали над Василием, но ему было не до шуток, ведь он остался с одним сапогом и оставшийся путь прошел босиком. Это было неудобно, да и комары несносно искушали голые ноги. Но самое главное, что самый опасный участок дороги был благополучно пройден.

Бои на Днепро-Буге

Боевые действия партизан Брестского и Пинского соединений в феврале-апреле 1944 г. и их взаимодействие с частями Красной Армии в районе д. Сварынь

1. Необходимость создания штаба Южной зоны партизанских отрядов и бригад Брестской области в д. Сварынь.

Зимой 1944 г. войска Белорусского фронта, которыми командовал генерал армии К.К.Рокоссовский, завершили Гомельско-Речицкую наступательную операцию. 30 декабря 1943 г. они вышли на рубеж Ивашкевичи - Новый Быхов- Горваль - Паричи- Озаричи- Рудск. За 20 дней войска продвинулись на 130 км. Противник не смог нанести контрудар со стороны Мозыря. У него не было на это сил и средств. Наши дивизии уже вели бои в районе южнее г. Пинска. К февралю 1944 г. были освобождены города Ровно, Сарны, завязались бои за г. Ковель. Приближалось долгожданное освобождение Беларуси. Большую помощь Красной Армии в борьбе с фашизмом должны были оказать партизаны.

В этой обстановке штаб Брестского партизанского соединения и подпольный обком партии продолжали искать новые формы развития партизанского движения и централизованной организации всенародной борьбы. По указанию обкома командиры и комиссары начали наводить в партизанских подразделениях строгую, не уступающую военной, дисциплину. Любое своеволие или непослушание считались теперь чрезвычайным происшествием со всеми вытекающими последствиями для провинившегося. Партизанские зоны отныне становились местом соблюдения строгого порядка. Введены были комендатуры во всех населенных пунктах, подконтрольных партизанам.

Немецкое командование не могло не видеть нависшей угрозы над группой войск, расположенных в Беларуси. Гитлер в своем специальном приказе, потребовал оборонять и удерживать Брестский укрепрайон любой ценой. Чтобы выполнить этот приказ, немецкое командование должно было всерьез подумать о том, как обезопасить свои войска от партизан, действовавших в их ближайших тылах.

Из воспоминаний майора Петра Ковальского: «В декабре 1943 г. Брестский подпольный обком партии принял решение направить часть отрядов для ведения партизанской войны в южную зону

области. Там, недалеко от деревни Сварынь, уже находился первый партизанский аэродром. Надо было усилить охрану и сделать так, чтобы на этом аэродроме самолеты с Большой земли могли приземляться в любой день. Выход один: послать туда уполномоченного штаба соединения и назначил меня на эту должность. Секретарь обкома тут же вручил мне подписанное удостоверение от 11 декабря 1943 г., в котором говорилось: «Тов. Ковальский Петр Мамертович является представителем областного штаба соединения партизанских отрядов Брестской области, которому поручается руководство всеми бригадами и отрядами, расположенными по ту сторону железной дороги Брест-Пинск. Командирам и комиссарам бригад и отрядов беспрекословно выполнять все его распоряжения и приказы».

15 декабря мы прибыли в д. Сварынь, где располагался штабной отряд им. Щорса.

Территория области разделилась на 2 части Южную и Северную, куда стремились партизаны, объявившие смертельный бой захватчикам. На востоке в Короченских лесах борьбу народных мстителей возглавлял подпольный обком партии и штаб объединения партизанских сил Брестской области под командованием С.И.Сикорского. На юге в сварынских лесах уже действовало два отдельных отряда: им. Щорса (штабной) и им. Котовского. В восьми километрах к западу от Сварыни, размещались штаб и тыловые подразделения крупной бригады им. Сталина в составе 4-х отрядов: им. Чернака, им. Жукова, им. Ворошилова и им. Фрунзе.

В состав штаба южной зоны вошли:

1. Уполномоченный штаба соединения П.М.Ковальский;
2. Заместитель начальника штаба капитан А.Орлов;
3. Начальник особого отдела М.П.Хохлов;
4. Уполномоченный подпольного обкома партии по руководству подпольными организациями З.Ф.Поплавский;
5. Председатель Дивинского подпольного райкома партии А.Федосюк;
6. Корреспондент областной подпольной газеты «Заря» Саша Сиротин;
7. Делопроизводитель штаба Миша Конуков;
8. Радисты штаба: Алексей Волков и Борис Алеров;
9. Секретарь-машинистка тетя Шура;
10. Командир комендантского взвода Григорий Беляков;
11. Комиссар взвода Шалва Кабиоашвили;
12. Начальник медицинской службы южной партизанской зоны Степан Ильин.

В первых числах января 1944 г. разведка сообщила, что крупные силы немецко-фашистских войск из Бреста, Кобрин и Малориты стягиваются к старосельским и чернянским лесам. К северному берегу Днепро-Бугского канала прибыла венгерская дивизия. Она вошла в непосредственное соприкосновение с бригадой, которой командовал Михаил Герасимов и отрядами им. Котовского и им. Щорса Брестского соединения. Участились стычки с неприятелем у отрядов им. Фрунзе и им. Чернака под Брестом. В тяжелейшем положении оказались отряды им. Ворошилова, им. Жукова, действовавшие на железнодорожной магистрали Брест-Ковель. В этой сложной обстановке командование партизанского соединения понимало, что в самое ближайшее время придется вступить в ожесточенные бои с немецкими фронтовыми частями. Партизанские соединения Брестской области будут блокированы в своих районах (зонах). Это приведет к ухудшению управления. С этой целью и был создан штаб южной зоны партизанских отрядов.

2. Обстановка в д. Сварынь

На окраине деревни Сварынь был расположен партизанский аэродром, подготовленный к приему самолетов с Большой земли и выброски грузов. Бесперебойную работу аэродрома и его охрану обеспечивал отряд им. Щорса. В километре от штаба им. Сталина комендантский взвод под командованием Григория Белякова строил землянки для штаба. В д. Сварынь и на окрестных хуторах был размещен партизанский госпиталь, который возглавлял Степан Трофимович Ильин. Больные и раненные партизаны, а также мирные жители нуждались в срочной квалифицированной помощи. Госпиталь размещался в крестьянских избах. Более ста тяжелораненных ожидали эвакуации за линию фронта. Начальник госпиталя делал все, что мог, для их спасения.

Не хватало медикаментов и перевязочного материала. На перевязки шло захваченное у немцев офицерское нательное белье, наволочки, простыни, резали на бинты парашюты. Вместо ваты кипятили и хорошенько высушивали собранный на болоте мох. Медикаменты, добытые у врага, ценились дороже боевых патронов.

Во многих домах Сварыни в неимоверной тесноте жили партизанские семьи, за которыми фашистские головорезы охотились не меньше, чем за самими партизанами. Более шестистам женщинам, старикам и детям пришлось ютиться в переполненных избах. Полураздетые, разутые, не всегда досыта накормленные, они тоже терпели

и тоже верили, что Советская власть им не даст погибнуть.

В сложившихся тяжелых условиях нужно было спасать людей, прежде всего - вывозить раненых, больных, детей, женщин и стариков. Единственный путь - по воздуху. Но уже давно Сварынь не принимала самолеты. Нужно было действовать. И Петр Ковальский посылает в Москву срочную телеграмму: «Положение критическое. Необходимо срочно по воздуху вывозить раненых, больных, детей. Требуется большое количество взрывчатки и боеприпасов».

Успешное наступление Красной Армии на территории Украины всполошило немецкое командование. Гитлеровцы значительно усилили свои гарнизоны в Бресте, Жабинке, Кобрине, Антополе, Дрогичине, Иваново. Усилили они и охрану железной дороги. Фашисты проявляли и большой интерес к сварынскому аэродрому. Осенью и зимой аэродром подвергся 17 крупным налетам немецких самолетов. Районы деревень Сварынь, Горавица, Радостово подвергались массированным налетам авиации в течении 2-х с половиной месяцев.

3. Боевые действия партизан в январе, начале февраля 1944 г. Установление надежной связи с частями 70 –й Армии 1-го Белорусского фронта

Немецкое командование начало готовить крупную операцию против партизан в южной зоне Брестчины. Несколько попыток пробиться на юг области командиром Брестского партизанского соединения Сергеем Сикорским были безуспешными. В своей записке Петру Ковальскому он писал: «К сожалению, из нескольких попыток пробиться к Вам у меня ничего не вышло, кроме крупных потерь, поэтому вынужден несколько задержаться. Руководство южной зоной полностью возлагаю на Вас».

Так Сварынь становится самостоятельным партизанским краем со своим руководством, возглавляемым майором Петром Ковальским. Это было в середине января 1944 г.

Одним из первых П.М.Ковальский подписал приказ бригаде им. Флегантова оставаться в районе Сварыни..

В январе месяце обстановка на границах партизанской зоны накалилась как никогда. Бригада им. Сталина вела бои с противником под Брестом, отряды им. Щорса и им. Котовского в Дивинском и Кобринском районах. В тяжелом положении оказались отряды им. Жукова и им. Ворошилова, отрезанные от основных партизанских баз железной дорогой Брест-Ковель.

Они с трудом отбивались от превосходящих сил врага. Одновременно с этим несколько стабилизировалось положение на Днепро-Бугском канале, где оборону держала партизанская бригада им. Молотова под командованием Михаила Герасимова.

Предвидя возможные атаки противника, партизаны построили на южном берегу канала от д. Ляховичи до тракта Иваново-Любешов долговременные оборонительные сооружения-дзоты. В них постоянно дежурили отделения отрядов, сменяя друг друга.

В районе д. Ляховичи оборону занимал отряд им. Шиша под командованием Н.М. Попова. Прикрывал подступы к своим позициям дзотами и тремя линиями окопов полного профиля. Вся 50 - километровая линия обороны на канале была построена таким образом, чтобы подкрепление, в случае необходимости, могло быстро подоспеть к любому участку. На всякий случай отряды им. Щорса и им. Котовского все время были в готовности помочь Н.М. Попову: штаб юга Брестчины и аэродром находились недалеко, а они-то и являлись главной приманкой для гитлеровцев.

Возросшая активность противника объяснялась просто: Красная Армия уже освободила Ровно, Сарны, Радовню, вела бои на ковельском направлении, угрожая тылам 2-й немецкой армии, оборонявшейся на Полесье. В этих условиях командование вермахта стремилось во что бы то ни стало удержаться на брестском плацдарме. А возможность у него для этого была только одна: обезопасить немецкие войска от партизан, действовавших в их непосредственном тылу.

Штаб в Сварыни держал постоянную связь с Сергеем Сикорским, вел с ним переписку. Вот выдержка из одного письма П.М. Ковальскому: «...то, что Вы наметили на ближайший отрезок времени я целиком поддерживаю. Что касается работы разведок бригад и отрядов, то сейчас ее надо поставить на должную высоту. Ведь фронт приближается, зачастую войсковая разведка будет приходить к нам и требовать данные, поэтому этот вопрос не выпускай из виду, а живи им...»

Исходя из сложившейся ситуации, было принято решение подобрать из отрядов им. Щорса и им. Котовского 60 самых сильных и боевых партизан и создать отдельный кавалерийский отряд. Командовать этой группой П. Ковальский назначил зам. командира отряда им. Щорса Николая Ваганова. Отряд скоро двинулся к линии фронта в район Сарны-Радеж с целью передать Военному Совету 70-й армии документы и наладить взаимодействие.

В конце января разведка отряда им. Котовского

доложила, что немцы готовят удар в направлении райцентра Дивин. Если немцам удастся занять его, то они не только свяжут значительную часть партизан, но и под угрозу поставят оборону Днепро-Бугского канала. И самое главное — не дадут установить связь с наступающими частями 70-й армии. С потерей Дивина положение может стать критическим. Учитывая это, П.М.Ковальский издал приказ:

Приказываю:

1. Командиру бригады им. Флегонтова занять оборону в д. Хабовичи по тракту Кобрин - Дивин, раскопать тракт глубокими противотанковыми рвами, создать минные поля. Не допустить продвижение противника к м. Дивин.

2. Командиру бригады им. Сталина выдвинуть отряд им. Фрунзе и нанести фланговый удар по Дивинскому тракту от д. Руховичи и севернее по направлению к Кобрину, парализовав коммуникацию. Вывести из строя тракт, используя для этого местное население.

3. Командиру отряда им. Котовского держать оборону в направлении д. Б.Рудца, не допуская продвижение противника за канал со стороны Антополя-Городца. Все подъездные пути вывести из строя путем перекапывания.

4. Командиру отряда им. Щорса оборонять деревни своего района: Хомичицы, Осиповичи, Головчицы, имея одну резервную роту в Саврыни.

Всем командирам иметь связь со своими соседями справа и слева. Обо всех действиях противника докладывать в штаб соединения срочным донесением.

Майор П.Ковальский.

Николай Ваганов привел свой отряд обратно из-за линии фронта 14 февраля 1944 г. С партизанами прибыла группа разведчиков 77 – го стрелкового корпуса Красной Армии. Разведчики привезли и целый обоз подарков: 2 станковых пулемета, 10 ручных пулеметов, 50 автоматов, 5 тонн взрывчатки и множество взрывателей. Все прибывшие из-за линии фронта имели новенькие автоматы ППШ.

В середине февраля на аэродром в Сварыни после длительного перерыва сел самолет. Но при взлете самолет зацепился за дерево и упал. Это событие помнят местные жители. Хорошо, что обошлось без жертв, но машина была выведена из строя. Так и остался со своим экипажем летчик Маслюков в Сварыни.

4. Управление обороной Днепро-Бугского канала

Во второй половине февраля 1944 г. в Сварынь прибыла новая, крупная рейдовая бригада им. Ф.М.Языковича под командованием Василия Велигина. Она состояла из 3-х отрядов: 17-го, им. Ленинского комсомола и им. Божелко. Штаб сразу направил ее на один из участков Днепро-Бугского канала, тем самым значительно усилил его оборону.

В конце февраля П. Ковальский, учитывая сложность обстановки, понимал, что надо спасать людей, которые целыми деревнями, уходили в партизанскую зону. Мужчин призывного возраста сводили во временные учебные отряды. Скот, отбитый у немцев, перегоняли поближе к Припяти, в район д. Ветлы. Отобранный у врага хлеб, прятали или раздавали беженцам.

Партизанской зоне угрожало перенаселение: женщин, стариков и детей с каждым днем становилось всё больше. В госпитале не хватало мест для раненых и больных. Началась эпидемия тифа. Со дня на день могли начаться тяжелые бои, и тогда спасти огромную массу людей будет невозможно.

В создавшейся обстановке единственным правильным решением было бы отправить людей за линию фронта, которая была уже рядом. Воздушный мост с этой задачей справиться не мог.

Петр Ковальский отдает приказ собрать 600 саней и повозок. Для обеспечения охраны колонны выделялись 300 хорошо подготовленных партизан. Штаб в срочном порядке готовил всем, кто убывал, справки, подтверждающие данные о личности.

Рейд на этот раз прошел удачно. Василий Велигин второй раз успешно выполнил боевой приказ. Обрато привез большое количество оружия и боеприпасов, но самое главное то, что была установлена надежная и постоянная связь между командованием южной зоны партизанских отрядов Брестской области в Сварыни и командованием 70-й армии 1-го Белорусского фронта.

Штаб не только собирал теперь в учебные отряды мужчин призывного возраста, спасавшихся от преследования немцами в партизанской зоне, но была объявлена мобилизация призывников. За два месяца на пополнение Красной Армии из Сварыни было отправлено более тысячи человек.

В благодарность за помощь и поддержку командованию 70-й армии было передано стадо скота численностью более 300 голов. Этот скот был отбит у немцев в ходе боевых операций.

В ночь с 20 на 21 февраля отряд им. Шиша завязал бой с немцами и мадьярами в районе д. Заречка-Ляховичи. Переправившись через канал, противник начал наступать в направлении д. Сварынь. На помощь отряду им. Шиша срочно был направлен взвод бригады им. Сталина вооруженный станковым и четырьмя ручными пулеметами. В дополнение командир отрядов им. Щорса Виктор Гужевский повел туда свою роту. Но на следующий день отряд им. Шиша оставил занимаемые позиции и отошел к д. Хидры, где были успешно оборудованы позиции. Надо было срочно принимать меры. В этой сложной обстановке штаб пишет приказ:

«Противник силою до 700 человек с танком и артиллерией повел наступление на партизанскую зону со стороны Дрогичина и занял д.Заречка, ведет наступление на Хидры, строит мост через канал, угрожая нашему расположению партизанских отрядов. Отряд им. Шиша занял оборону в д. Хидры.

Приказываю:

Командирам бригад им. Сталина и им. Языковича, отрядам им. Котовского и им. Щорса, поднять всех имеющихся в наличии партизан, оставив охрану лагерей, и выдвинуть их к 6.00 утра 22.02.44 к д. Хидры на подкрепление отряда им. Шиша с задачей не допустить противника занять д. Хидры, вытеснить его за Днепробугский канал и занять оборону по Днепробугскому каналу, сжечь построенные мосты:

- отряду им. Щорса к месту боя подтянуть пушку;

- находящемуся в Горавице польскому соединению Сатановского и отряду особого назначения Чепиги, подтянуться к д. Сварынь к 11 часам 22.02.44 и включиться в оборону партизанской зоны;

- объявить угрожающее положение для всех лагерей. Необходимые вещи запрятать и приготовиться к эвакуации.

Уполномоченный штаба соединения
Партизанских отрядов южной зоны
Брестской области
майор П.Ковальский »

Начали поступать донесения и с других участков обороны: 8-я венгерская дивизия, которую с тыла подпирал эсэсовский заслон, предприняла наступление в район деревень Белин -Журавков.

Сражение разворачивалось по всей линии обороны канала. К вечеру 24 февраля партизаны полностью выбили оккупантов из партизанской зоны и за ночь разрушили и сожгли наведенные мосты.

Командование партизан понимало, что чем

больше они отвлекут гитлеровцев, тем легче будет Красной Армии вести наступление на Ковельском направлении. Вывод один: сражаться до конца, пока можно вести бой, а потом отходить к Припяти на соединение с армейскими частями. Началась подготовка к эвакуации партизанского хозяйства из Сварыни и из всех отрядов и бригад.

В течение первых дней марта немецкие части усилили давление на правый фланг, где оборонялся со своей бригадой Г.Шубитидзе. Немцы наступали там более успешно. Пинская бригада без разрешения начала отходить. Партизанами были оставлены: В.Кужеличин, Мохро, Колено, Дольск, Шлапань, Любязь, Сваловичи. После этого группировка партизан в районе Сварыни оказалась в полукольце.

...Вдруг немцы прекратили боевые действия и все затихло. Обусловлено это было тем, что Советское командование предприняло в эти дни, сыгравшее важную роль, наступление на узком участке фронта. 70-я армия форсировала Припять, части 160-й и 38-й стрелковых дивизий заняли оборону в районе Дивина и Мокран, соединившись с партизанами отрядов им. Чернака и им. Фрунзе. В этой обстановке, чтобы не допустить выхода в тыл Красной Армии, немцы вынуждены были перебросить части для контрудара в район Мокран и Дивина. Но затишье было коротким.

В середине марта на ст. Дрогичин выгрузились семь эшелонов немецких войск, вооруженных всеми видами боевой техники. На станции Янов-Полесский выгружалось еще 10 эшелонов. Их сразу же бросили на канал. Немецкие солдаты были одеты в специальные резиновые костюмы, предназначенные для ведения боевых действий в болотистой местности.

5. Усложнение обстановки. Отступление партизанских отрядов и бригад за Припять и соединение с частями Красной Армии

К 24 марта немцы сосредоточили на исходных позициях 211-ю дивизию, 5-ю егерскую дивизию, кавалерийскую бригаду «Митте». Подготовили одновременный массированный удар по партизанской зоне, как со стороны Иванова-Дрогичина, так и со стороны Кобрин и Бреста в направлении Дивина. О лихорадочной подготовке противника к решающему наступлению на партизанские силы за Днепро-Бугским каналом каждый день докладывалось командованию закрепившейся на берегу р. Припять 160-й стрелковой дивизии генералу Зараковскому. Но армейские части, увязшие в боях, ничем не могли помочь партизанам. Приходилось рассчитывать только на себя и готовиться дать отпор врагу. 28

марта 1944 г. Петр Ковальский приказал всем бригадам и отрядам партизанской зоны отходить, оставляя прикрытие и переправляться за реку Припять. В штабе южной зоны под Сварынью остался лишь З.П. Поплавский, что бы в случае необходимости эвакуировать документы за линию фронта. К концу дня 28 марта штаб был эвакуирован в д. Ветлы. Пока для организации отхода в Сварыни остался майор Ковальский, капитан Хохлов и десять человек охраны.

Утром 29 марта после 40-минутной артподготовки немцы пошли в наступление. К концу дня сопротивление народных мстителей начало слабеть. Медленно с короткими боями партизаны отходили от линии обороны за Припять. Ни один взвод, ни один отряд самовольно без команды не мог оставить занимаемые позиции. Партизаны отходили организованно, поддерживая друг друга огнем. Фашистам так и не удалось прорваться в тыл и отрезать отряды и части 70-й армии, отступавшие из-под Мокран и Дивина. Поддерживали отход партизанских отрядов артиллеристы 160-й стрелковой дивизии. Они не давали немцам подойти к переправам в районе д. Ветлы, Мукошин, Горки.

К 30 марта все линии обороны на Днепро-Бугском канале захватил враг. Ворвались они и в покинутую жителями д. Сварынь.

Командование дивизии дало для обороны партизанам участок линии фронта по южному берегу р. Припять. Партизаны наспех рыли окопы. Ночью с 30 марта на 1 апреля 1944 г. в д. Ветлы майор Ковальский с командиром стрелкового полка подполковником Горобцом, провели совещание, на котором решили в создавшейся обстановке закончить переправу людей и после этого ее разрушить.

Партизаны южной зоны Брестской области полностью выполнили возложенную на их задачу: отвлекли на себя с линии фронта крупные силы противника. Они дали возможность командованию 70-й Армии завершить перегруппировку сил и подготовить линию обороны по реке Припять. Удерживать плацдарм на северном берегу Припяти смысла не было.

В тылу врага остались лишь один из отрядов бригады Михаила Герасимова и несколько отбившихся от основных сил партизанских групп. Так произошло соединение партизанских отрядов и бригад южной зоны Брестской области с частями Красной Армии.

6. Значение 40-дневной обороны Днепробугского канала отрядами Брестского и Пинского партизанских соединений в феврале-марте 1944 г.

В общей сложности больше месяца шли бои на 50-километровом участке Днепро-Бугского канала, где партизаны не только били вооруженного до зубов врага, но и отправляли за линию фронта многие сотни призывников для пополнения частей Красной Армии. Было передано в войска более 200 кавалерийских лошадей и 300 коров. Самое главное удалось без потерь переправить за линию фронта в тыл более 30 тысяч женщин, стариков, детей и эвакуировать сотни раненных и больных партизан.

Благодаря тому, что партизаны на этом участке сковали несколько немецких дивизий, частям 70-й армии удалось провести перегруппировку и отвести из-под Мокран и Дивина полки 160-й и 38-й стрелковых дивизий. Если бы партизаны не удержали оборону, то немцы бы их окружили и уничтожили.

Народные мстители выполнили свой долг.

Светлана Кинчак,
директор ГУО «Сварынская ОСШ».

Память в фотографии Дети и война

Это не должно повториться
(фотохроника Белта)

Дмитрий Егорович Зуев
с женой Валентиной
(погибла в 1944 г.)

Валерий Павловский - юный партизан
отряда им. Щорса

Юный партизан отряда им. Суворова —
Евгений Мысливчук

Спасённые дети Касаткиной (Ястребовой) А.В. в партизанском отряде им. Щорса
Брестского партизанского соединения

Генерал К. Мерецков награждает юного солдата Красной Армии

Настоящий герой

Партизанские дети в семейном лагере

Юные партизаны-разведчики Веня и Лёня Баран-Сороки. Бригада им. Ленина

Крестьянская семья возвращается в свой дом после германской оккупации

Дети, замученные фашистами в Озаричском лагере смерти

НА ПАЛЕССИ

Аднойчы я сядзела на прыгорку,
 Ёй такую вось згадала я прыгоду —
 Разлэгшысь на зямлі,
 Раскінуўшысь рукамі ўбакі,
 Разпластаўшысь прад небам,
 Адчуць сябе анёлам.
 І глянуць небу ў вочы —
 Чаго яно ад нас так хоча?

Глядзела так зусім нядоўга
 І зразумела — мы няроўня,
 Бо мы пакуль што на зямлі —
 Нябесныя часіны не прыйшлі.

Жыццё там невядомае - другое
 І трэба, каб цікавіла зямное
 Нас і што належыць нам,
 Што падуладна нават снам.

А дзень асенні залацісты,
 А ў небе сінь ў глыбіні чыстай.
 І сонейка яскрава і ласкава
 Смяецца збоку, штось хавае.

Калі я ноччу на прыгорку,
 Цікую вокам я на зорку,
 Што так і блізка і далёка —
 Ды што там гэтая мне зорка.

Мяне цікавіць усё неба,
 І думкам да ўсяго патрэба,
 Хто бродзіць у лесе ўсё начамаі,
 А хто жыве ў нас пад нагамі.

Што падабаецца ўсім людзям,
 А што з'яўляецца ўжо брудам.
 Мяне цікавіць усё бясконца,
 На роднай мілай мне старонцы.

Належыць нам вялікае багацтва,
 І колькі тут зямнога хараства —
 Глядзелі і глядзелі б вочы
 Бясконца — днём і ўночы.

І трэба ўмець залюбавацца,
 Таксама з любым мілавацца.
 Умець патрэбна закахацца,
 З жыццём зямным пасілкавацца.

Зямлі пачуць сардэчны стук,
 Жыцця зямнога перастук.
 Зямелькі роднай пад нагамі
 Чутно дыханне над лугамі.

Галіна Огнева

ОДО "ИРА" "Паляшук"

Выпускаем рекламные, справочные издания,
издания для досуга.

Художественно оформим и изготовим
оригинал-макеты книг.

Рассмотрим интересные предложения
от краеведов и любителей истории.

Профессиональный дизайн — низкие цены.

г. Пинск, ул. Калиновского, 32
 тел. 8-029-692-51-84, 8-029-200-54-50
 Почтовый адрес:
 225710, г. Пинск-16, а/я 62
 e-mail: zianko@brest.by

МЫ РАДЫ КАЖДОМУ КЛИЕНТУ!

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Сергей Граник - главный редактор, директор Музея партизанской славы;
 Сергей Волосюк - заместитель главного редактора, преподаватель истории гимназии г. Дрогичин;
 Тимофей Климчук - технический редактор, учитель информатики;
 Алеся Стасюк - методист отдела культуры Дрогичинского райисполкома;
 Наталья Кривецкая - учитель Субботской ОБШ;
 Евгений Квачук - учитель истории Перковичской ОСШ;
 Светлана Кинчак - директор ГУО "Сварынская ОСШ";
 Владимир Зенько - консультант, оригинал - макет и верстка, директор ОДО "ИРА" "Паляшук";
 Эфроим Злобинберг - консультант.

ИЗДАТЕЛЬ:

Народный музей Партизанской славы.
 Адрес редакции: 225612, Брестская область,
 г. Дрогичин, ул. Ленина 163.
 Тел. 8-01644-31422; e-mail: nash_kraj@mail.ru
 Газета издаётся на русском и белорусском языках.
 Тираж 199 экземпляров